

УДК 930.2 (470.6)“1920/1940”

## СОВЕТСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 1920–1940-е гг.: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2009 г. Е.Ф. Кринко<sup>1</sup>, Т.П. Хлынина<sup>1</sup>

Работа посвящена историографическому осмыслению мало изученных сюжетов советской истории Северного Кавказа. Исследованы основные механизмы формирования современных образов советского прошлого региона. Прослеживается взаимосвязь между исследовательской практикой и политико-идеологическими потребностями развития российской государственности.

**Ключевые слова:** депортации, историография, коллаборационизм, национально-государственное строительство, повстанческое движение, Северный Кавказ.

Пристальный интерес современной отечественной историографии к советскому прошлому национальных регионов вплоть до недавнего времени определялся сугубо прагматическими потребностями, вызванными кардинальными изменениями в жизни страны. Распад СССР и поиски обновленной модели федеративного устройства России потребовали от исторической науки «правдивого» рассказа о тех трудностях и нерешенных проблемах, которыми сопровождалось становление и последующее развитие советской государственности. При этом обновленное историческое знание вызвало к жизни не одну «войну исторической памяти» и взаимных претензий народов друг к другу.

Так, складывавшийся на протяжении многих десятилетий интернациональный образ советского Северного Кавказа стремительно утрачивает свое привычное понимание и все более воспринимается в качестве «потенциального очага межэтнической напряженности». Смена образа, превратившегося к настоящему времени в когнитивное клише с предельно суженным коридором исследовательских возможностей, свидетельствует, помимо всего прочего, о формировании принципиально новой парадигмы изучения советского прошлого. Если ранее в качестве таковой выступали теория модернизации и цивилизационный подход, то сейчас начинает преобладать «здравый эклектизм», понимаемый как взаимообогащение различных теорий и методов. Исчезновение однообразия и целостности в понимании, пожалуй, одного из самых драматич-

ных периодов отечественной истории перемещает изучение его отдельных сюжетов в открытое пространство сосуществования множества суждений и оценок. Результатом подобного рода эклектизма становится появление неупорядоченного знания о прошлом, чья фрагментарность очерчивает наиболее проблемные и болезненные зоны его восприятия.

Их возникновение в северокавказской истории советского времени сопряжено как с теми изменениями, которые переживает отечественная практика историописания в целом, так и с усилением геостратегической и общероссийской значимости Северного Кавказа в частности. Сохраняющаяся нестабильность региона, а также настойчивая официальная риторика по «удержанию Северного Кавказа в составе России» становятся основными вызовами, требующими от исторического знания все новых и новых ответов. Вместе с тем исследователи едины во мнении, что еще очень многие сюжеты истории региона изучены крайне слабо. Ответ на вопрос о том, почему и как складывается современный историографический образ Северного Кавказа, призвана дать данная статья. Ее задача – прояснить внутренние механизмы и внешние обстоятельства формирования наиболее проблемных зон истории советского Северного Кавказа, к которым следует отнести повстанческое движение, национальную политику советской власти, сотрудничество населения с противником в годы Великой Отечественной войны, депортации народов региона и их последствия.

*Повстанческое движение, его характер и масштабы.* В отличие от ряда сюжетов, переосмысление которых вызвано профессиональными мотивами, повстанческое движение на Северном Кавказе

<sup>1</sup> Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; тел. 8 (863) 250-98-33, 250-98-32; e-mail: krinko@mmbi.krinc.ru; tatiana\_xl@mail.ru

изначально привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей своей политической составляющей. Твердая убежденность подавляющего большинства отечественных исследователей в его осознанно протестном характере привели к реанимированию тех оценок, которые появились уже в 1920–1940-е гг. и принадлежали либо самим повстанцам, либо участникам разоружения «противников советской власти». Показательно, что несмотря на возрастающее количество исследований в данном направлении повстанческое движение в регионе все еще квалифицируется в качестве «слабо изученного сюжета северокавказской истории новейшего времени».

По заключению Е.Ф. Жупиковой, давно и плодотворно занимающейся данной темой, «эта оценка относится и к периоду повстанческого движения с марта 1920 г., когда армия А.И. Деникина оставила Северный Кавказ, по осень 1925 г., когда окончилась операция “по разоружению горских автономий и изъятию бандитского элемента”» [1, с. 160]. Исследовательница небезосновательно полагает, что «все это время Северный Кавказ оставался ареной ожесточенной борьбы Красной армии с движением, которое в отечественной историографии определялось как “повстанчество”, “политический бандитизм”, “белозеленое движение”, “крестьянские и кулацко-крестьянские восстания”, “контрреволюционные мятежи”, “мелкобуржуазная контрреволюция”» [1, с. 160].

Сохраняющееся разнообразие в обозначении исследуемого явления отражает не только многообразие его природы, но и масштабность самого противоборства с советской властью. Между тем, как свидетельствуют документы и воспоминания очевидцев, степень ожесточенности противостояния населения и власти зачастую преувеличивается. Анализ формирования повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920–1922 гг. позволил Н.В. Кратовой в качестве одной из основных причин его неудачи отметить прекращение поддержки со стороны населения [2, с. 118–119]. В ситуации, когда «повстанцы являлись “живой составной частью” местного населения», движение сопротивления не могло быть искоренено в принципе. Однако уже к середине 1920-х гг. оно утрачивает широкомасштабный характер и выливается в серию погромных акций.

В новейшей историографии проблемы не только активно исследуется география и масштабы повстанческого движения, но и анализируются причины, вызвавшие его к жизни. Практически всеми исследователями отмечаются в качестве таковых непродуманные действия советской власти в отношении казачества и горского населения [3, 4]. При этом все чаще в самом движении разграничиваются

его этнические составляющие: казачество, как правило, сопрягается с идейным противостоянием власти, а горское население – с ответной реакцией на разрушение его традиционного уклада жизни [5].

В данной связи вновь возобновляются попытки нахождения обобщающего понятия, которое бы наиболее точно и широко отражало разнообразные проявления вооруженного недовольства различных групп населения в регионе. Так, Е.Ф. Жупикова полагает крайне неудачным его обозначение в качестве «бандитизма»: «Наиболее широкое распространение у участников событий и у советских историков получил термин “бандитизм”, что можно объяснить не только негативным отношением большевиков ко всем антисоветским силам, но и тем, что тогда в это понятие вкладывали иной, нежели сегодня, смысл» [1, с. 160]. При этом исследовательница отдает предпочтение «тоже не безупречному, но нейтральному определению – “повстанчество”» [1, с. 160]. В последнее время появилось и используется понятие протестного движения, или «мощного социального протеста народа». Его применение к российскому казачеству позволило «идентифицировать природу казачьего сословия, выявить его смысло-содержащие интересы и настроения, позиционировать казачество в отношении других социальных групп и слоев населения» [6, с. 5].

Наряду с поисками внятного обозначения не прекращавшихся вплоть до конца 1940-х гг. «малых гражданских войн» в регионе исследователи сосредоточивают свои усилия и на проработке конкретных сюжетов, связанных с организацией и действиями отдельных повстанческих отрядов и армий, а также реакции населения на действия советской власти. Такой подход позволил Н.В. Кратовой не только детально описать «течение повстанческого движения на территории Кубано-Черноморской области» в 1920–1922 гг., но и выделить три этапа в его развитии. Первый этап связывается с «возникновением мощного повстанческого подъема» после поражения армии А.И. Деникина и восстановлением советской власти в регионе в 1920 г. Второй этап, начало которого относится к 1921 г., – с попытками объединения разрозненных отрядов в крупные боевые формирования. Третий, завершающий – с деятельностью ряда разрозненных отрядов. Автор особо указывает на две тенденции, прослеживающиеся в формировании повстанческих отрядов: их стихийное возникновение и появление в результате «планомерной организованной работы крупных антисоветских центров и связанных с ними офицеров, оставшихся на Кубани после разгрома Добровольческой армии» [2, с. 118].

В свою очередь Г.В. Марченко, проанализировав причины антисоветского движения в Чечне в

1920–1930-е гг., пришел к выводу о неоправданности выделения в нем сколько-нибудь четких этапов. Исследователь отметил лишь его взаимосвязь с рядом кампаний советской власти. В качестве причин восстаний 1920–1921 гг. он указал мобилизации, реквизиции продовольствия, борьбу с религией; для конца 1920-х – начала 1930-х гг. – «политику коллективизации, ощутимо ударившую по психологии горцев, нарушив вековой уклад их жизни». Некоторое ослабление повстанческого движения, пришедшее на середину 1920-х гг., Г.В. Марченко объясняет «образованием автономных областей на Северном Кавказе, которое посеяло среди горского населения иллюзию относительно перехода к реальной независимости и создания своих национальных областей» [5, с. 131].

Тем не менее исследователям, занимающимся проблемой повстанчества на Северном Кавказе, все еще «необходимо выявить причины живучести этого явления... Внимательного изучения требуют также позиция Советской власти на Северном Кавказе в решении аграрного и казачьего вопросов, организация местных органов власти, вопросы национально-государственного и культурного строительства, религиозные и бытовые особенности горского населения» [7, с. 12–13].

**Национально-государственное строительство в регионе и его последствия.** В современной отечественной историографии природа национально-государственных образований рассматривается двояко: с одной стороны, как «акт доброй воли молодого советского государства», с другой – как «стремление народов к самосохранению в условиях революционного хаоса» (см. подробнее: [8]). В последнее время наметилась интересная тенденция рассматривать такого рода образования в качестве воплощения этнического национализма [9, с. 33]. Особый интерес к переосмыслению проблемы наблюдается в «кабардинской» и «чеченской» историографии.

Для народов Северного Кавказа процесс национально-государственного строительства в форме непосредственного предоставления им отдельных автономий начался в 1921 г. и совпал с распадом Горской автономной республики по национальному признаку. Начало этому процессу положил выход Кабарды из ее состава, который и повлек за собою пересмотр остальными национальными округами своего положения в многонациональной автономии. В последние годы деятельность инициатора кабардинской самостоятельности Б.Э. Калмыкова, как, впрочем, и иных советских работников того времени, подвергается переосмыслению. В специальной литературе все чаще указывается на «необоснованное преувеличение марксистской подготовки

революционеров Кабарды и Балкарии, которые в основном были безграмотными и малограмотными людьми» [10, с. 44]. Обращается внимание и на пагубную роль отдельных из них в процессе развития народов области. Имя Б.Э. Калмыкова напрямую связывается с массовыми репрессиями и уничтожением кабардинской интеллигенции [11, с. 54].

Ряд современных авторов на основе анализа земельных преобразований в Горской республике склонен полагать, что она стала узаконенной формой ограбления кабардинского народа [11, с. 50]. Исследователи отмечают, что участие «кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой... Кабарда превращалась в один из захолустных округов искусственного государственного образования, хищнически распоряжавшегося остатками ее благосостояния» [11, с. 50–51]. В данной связи образование автономной области оценивается как «закрепление суверенной воли кабардинского народа к обретению национальной государственности».

Выделение кабардинцев из состава Горской республики повлекло за собою и необходимость решения вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Показательно, что в существующей литературе практически не упоминается о каких-либо самостоятельных шагах в этом направлении со стороны балкарского руководства. На страницах специальных исследований отмечается, а в трудах кабардинских авторов особо подчеркивается, что балкарцы были одним из самых малоземельных народов на Северном Кавказе с так и не сложившейся государственно-политической традицией. В этом отношении показательным является отсутствие упоминания о балкарцах в одном из разделов обобщающего труда, посвященного истокам и становлению современной государственности Кабардино-Балкарии. В предисловии к нему авторский коллектив признает существенную неполноту анализа ее истоков и «ни в коем случае не отождествляет их с политической традицией только одного из ее народов» [11, с. 5]. Однако само наименование и содержание соответствующего раздела «Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев», где первое упоминание о балкарцах встречается только на странице 51, не оставляет сомнения в предпочтениях и выборе авторов.

В данной связи в современной историографии начался и процесс переосмысления роли отдельных исторических персонажей в истории советской Чечни, их значения в процессе активизации революционного сознания чеченцев. В частности, по мнению отдельных исследователей, усилению влияния «прокоммунистической группы А. Шерипова во многом способствовала гибель шейха

Дени Арсанова в 1918 г. и ослабление влияния Горского правительства. Что касается самого А. Шерипова, который традиционно считается первым коммунистом Чечни, вряд ли он являлся таковым на самом деле. Скорее, националист либерального толка, поверивший, что большевики действительно готовы признать национальные права чеченцев» [12, с. 350]. Более сдержанную оценку получают и такие «ярые» противники советской власти, как шейх Али Митаев и руководитель Северо-Кавказского эмирата Узун-Хаджи. Их сотрудничество с большевиками рассматривается не только в качестве тактического успеха советской власти, но и как признание их авторитета и прочности позиций среди самих чеченцев [12, с. 352].

Вместе с тем ряд современных исследователей указывает на необходимость более осторожного подхода к анализу восприятия различными слоями общества идеи автономии. В частности, ими указывается, что в отличие от руководства области «не все в Чечне приняли автономию сочувственно». Необходимость ее введения приходилось не только разъяснять, но и отстаивать. Более того, само выделение Чечни из состава Горской республики достаточно настороженно встретили и соседние области, считавшие данную меру нецелесообразной и наносящей вред межнациональным отношениям в регионе. Показательным отношением определенной части населения области к ее новому правовому статусу стало и шариатское движение, в качестве одного из требований выдвигавшее создание религиозных форм управления [13, с. 106].

***Сотрудничество жителей Северного Кавказа с противником в годы Великой Отечественной войны.*** Предметом специального научного анализа в отечественной историографии последнего десятилетия стала проблема коллаборационизма, получившая отражение в общих и специальных трудах, монографических и диссертационных исследованиях. Среди них особо выделяется фундаментальный труд М.И. Семиряги, впервые в отечественной науке объединившего в рамках одной работы вопросы сотрудничества с противником жителей стран с разным политическим строем [14]. Отказ от идеологических клише и привлечение новых источников позволили прийти к более достоверным выводам о масштабности данного явления; выявить мотивы сотрудничества с врагом, к которым относят недовольство советским режимом, массовыми репрессиями, коллективизацией, национальной и религиозной политикой, а также тяжелое положение военнопленных и жителей оккупированных областей; предложить различные варианты типологии коллаборационизма.

Наибольшее внимание уделяется военному коллаборационизму – участию советских граждан в войне с оружием в руках на стороне третьего рейха, что во многом объясняется возможностями имеющейся источниковой базы и исследовательскими приоритетами. В данной связи следует отметить серьезное исследование С.И. Дробязко, стремящегося «показать широкую и максимально объективную картину возникновения и эволюции антисоветских формирований из граждан СССР и эмигрантов в составе германских вооруженных сил, а также их роли в вооруженной борьбе на различных театрах Второй мировой войны» [15, с. 30]. В то же время сотрудничество советских граждан с противником в социальной сфере, в экономике и культуре изучено в гораздо меньшей степени.

В современных исследованиях, посвященных истории региона в годы войны, вводится немало сведений, характеризующих различные формы коллаборационизма на Северном Кавказе, его мотивы, позволяющих переоценить деятельность отдельных личностей. Самостоятельные исследования посвящены участию казачества в войне на стороне третьего рейха, созданию и действиям кавказских легионов и особых диверсионных групп [16–20]. Специальных работ, непосредственно посвященных сотрудничеству советских граждан с противником на Северном Кавказе, по-прежнему немного, нередко они носят компилятивный характер, порой отличаются неточностями. Так, Е.И. Журвалёв считает, что военными коллаборационистами на Юге России стали более 70 тыс. казаков, до 30 тыс. северокавказцев [21, с. 189]. Если вторая цифра уже фигурировала в литературе предшествующих лет, то первая представляется результатом некорректного переноса автором данных о количестве всех казачьих частей, воевавших на стороне рейха, на Юг России. Е.И. Журвалёв указывает, что всего на Юге России насчитывалось до 300 тыс. коллаборационистов, сотрудничавших с противником в разных формах, но механизм его подсчетов в данном случае совершенно не ясен. Приводимым данным противоречит вывод автора о том, что «большая часть населения Юга России сохраняла веру в социалистические идеалы и доверие к руководству региона и страны» [21, с. 188].

Отличительной чертой современной историографии проблемы является существование различных подходов к ее изучению. При этом различия в оценках коллаборационизма определяются не только разницей в методологии и используемой источниковой базой, но и политическими и идеологическими пристрастиями авторов. Наряду с историками, по-прежнему считающими всех коллаборационистов «изменниками Родины», часть авторов видит

в них борцов с тоталитарным режимом, а сотрудничество советских граждан с противником в годы войны рассматривает в качестве «стихийного протеста части общества против внутренней политики советского государства, усугубленной режимом личной власти И.В. Сталина» [22, с. 9].

**Депортации народов Северного Кавказа и их последствия.** Практически все современные исследователи расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции, в то же время их причины получили разное объяснение в историографии. Формальным поводом для них послужили типичные обвинения в том, что отдельные народы вели себя «предательски», в массовом порядке сотрудничали с немцами в период оккупации региона, создавали бандформирования, нападавшие на советские войска. Многие северокавказские исследователи объясняют причины депортаций стремлением региональных властей переложить свою ответственность за срыв партизанского движения и другие просчеты и неудачи на отдельные народы. Другие историки подчеркивают факт передачи части территорий репрессированных народов Грузинской ССР, приводя, в частности, в качестве одного из аргументов почвенную карту Северного Кавказа, изданную в 1942 г. Академией наук СССР. Столица Карачая город Микоян-Шахер на ней уже получил грузинское название Клухори (которое он носил в 1943–1957 гг.) [23, с. 43–44; 24, с. 260]. В частности, авторы одной из обобщающих работ указывают на то, что в насильственном выселении карачаевцев и балкарцев было заинтересовано несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» – руководитель Кабардино-Балкарии в годы войны) [25].

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М.А. Суслов» [26, с. 7–8; 27, с. 39]. Ряд исследователей приводит свидетельства того, что на Северном Кавказе имело место массовое распространение бандитизма в годы войны. В частности, А.М. Гонов, раскрывая общую обстановку в регионе, привел факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию северокавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением» [28, с. 17], вызвав резкую критику со стороны других авторов, считающих, что документы НКВД были прямо фальсифицированы [29, с. 8–9; 30, с. 14–15].

Истоки депортаций многие современные историки видят в природе советского тоталитарного режима или в личных качествах советских руководителей, объясняя их «безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью». Действительно, депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходимость в них исчезла. В то же время В.А. Тишков указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов», а также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований» [31, с. 24].

В историографии рассматривалось влияние депортации на этнодемографическую ситуацию в регионе. В результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Изменилась общая структура населения Северного Кавказа, что в совокупности с изменением административно-территориальных границ заложило основы для новых межнациональных конфликтов [32]. Отрицательно сказалась депортация и на развитии экономики региона: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. Исследователи отмечают, что на принудительное переселение народов тратились немалые средства, столь необходимые стране во время войны. Немало внимания уделено трудовой деятельности спецпереселенцев в ссылке, их ограничениям в правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Вследствие принудительного переселения произошли резкие изменения в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура [33].

Обращение к данной проблематике нередко сохраняет политизированный характер, что выражается, в частности, в попытках «подсчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на исторической несправедливости по отношению только к определенному этносу. Незавершенный характер реабилитации усиливает политическую злободневность подобных исторических сюжетов. Тем не менее постепенно акценты в изучении депортаций смещаются в сторону создания более полной и обстоятельной картины событий, что связано не только с вовлечением в научный оборот широкого круга рассекреченных документов, но и с поиском новых методов исследования.

Анализ проблемных зон современной отечественной историографии советского Северного Кавказа показал, что их возникновение и сохраняющаяся устойчивость во многом обусловлены как состоянием самого процесса исторического познания, так и подвижностью внешнего по отношению к нему политико-идеологического контекста развития российской государственности. При этом если теоретико-методологический эклектизм придает образам советского прошлого динамизм и разнообразие в его понимании, то идеологические потребности времени определяют приоритетность и востребованность исследования тех или иных сюжетов истории региона.

Статья выполнена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жутикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169.
2. Кратова Е.Н. Формирование повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920–1922 гг. // Научная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 117–129.
3. Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 1997. № 2. С. 22–26.
4. Яблочкина И.В. Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Русский дом, 2000. 218 с.
5. Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
6. Филин М.В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 26 с.
7. Жутикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. М., 2008. С. 12–13.
8. Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России // Вопросы истории. № 1. 2000. С. 29–45.
9. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. 451 с.
10. Атаева Ф.А. Роль политических партий и общественных движений в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1917–1997 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 1997. 202 с.
11. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Изд. центр «Эль-фа», 1999. 184 с.
12. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейшего времени. М.: Русская жизнь, 1997. 366 с.
13. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.
14. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
15. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М.: Эксмо, 2004. 608 с.
16. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 242 с.
17. Кришко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.
18. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 564 с.
19. Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 608 с.
20. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М.: Издатель Быстров, 2006. 352 с.
21. Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов н/Д: Изд-во РГСУ, 2006. 229 с.
22. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сб. статей и материалов. М.: Изд-во Яуза; Изд-во Эксмо, 2005. 752 с.
23. Карачаевцы: выселение и возвращение, 1943–1957. Материалы и документы. Черкесск: Изд-во «ПУЛ», 1993. 176 с.
24. Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. М.: Инсен, 1993. Т. 1. 337 с.
25. Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 224 с.
26. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 170 с.
27. Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 35–42.
28. Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX в.: Дисс... д-ра ист. наук. Нальчик, 1997. 403 с.
29. Тебуев С. Предисловие // Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Сб. документов. Черкесск:

- Карач.-Черкес. институт гуманитар. исследований при Правительстве КЧР, 1997. 341 с.
30. *Алиева С.К.* Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. 176 с.
31. *Тшиков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат-лы междунар. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
32. *Котов В.И.* Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития: Сб. ст. Майкоп: Меоты, 1994. С. 193–209.
33. Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы 2-й Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск: Карач.-Черкес. гос. пед. ун-т, 1994. 215 с.

## THE SOVIET NORTHERN CAUCASUS IN 1920–1940<sup>th</sup>: PROBLEM ZONES OF MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

**E.F. Krinko, T.P. Khlynina**

The article is devoted to historiographic judgment of poorly investigated plots of the Soviet history of the Northern Caucasus. Basic mechanisms of formation of modern images of the Soviet last region are investigated in the article. The interrelation between research practice and political-ideological needs of development of the Russian statehood is traced.

**Key words:** deportations, historiography, collaboration, the national-state building, insurgent movement, the North Caucasus.

## REFERENCES

1. Zhupikova E.F. 2004. [The Insurgency in the North Caucasus in the 1920–1925 (Documentary publications and the Newest domestic historiography)]. *Otechestvennaya istoriya*. (3): 159–169. (In Russian).
2. Kratova E.N. 2006. [The Formation of the Rebel forces on the territory of the Kuban – Black Sea region in 1920–1922]. *Nauchnaya mysl' Yuga Rossii*. (1): 117–129. (In Russian).
3. [Chechnya: the Armed struggle in the 20–30s]. 1997. *Voенно-istoricheskiy arkhiv*. (2): 22–26. (In Russian).
4. Yablochkina I.V. 2000. *Retsidivy Grazhdanskoй voyny. Antigosudarstvennyye voорuzhennyye vystupleniya i povstancheskoe dvizhenie v Sovetskoй Rossii. 1921–1925 gg.* [Relapses of the Civil War. Anti-state armed uprisings and insurgency in Soviet Russia. 1921–1925]. Moscow, “Russkiy dom” Publ.: 218 p. (In Russian).
5. Marchenko G.V. 2003. Anti-Soviet movement in Chechnya in 1920–1930s. *Voprosy istorii*. (1): 131–138. (In Russian).
6. Filin M.V. 2007. *Protestnoe dvizhenie rossiyskogo kazachestva v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviya (1918–1922 gg.)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [The protest movement of Russian Cossacks in the policy of military communism and its consequences (1918–1922). PhD Thesis Abstract]. Moscow: 26 p. (In Russian).
7. Zhupikova E.F. 2008. *Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920–1925 godakh*. [The insurgency in the North Caucasus in 1920–1925]. Moscow: 12–13. (In Russian).
8. Buldakov V.P. 2000. [The crisis of the empire and the revolutionary nationalism of the early XX century in Russia]. *Voprosy istorii*. (1): 29–45. (In Russian).
9. Tishkov V.A. 1999. [The Conceptual evolution of national policy in Russia]. In: *Rossiya v XX veke: problemy natsional'nykh otnosheniy*. [Russia in the XX century: problems of national relations]. Moscow, Nauka Publ.: 31–54. (In Russian).
10. Ataeva F.A. 1997. *Rol' politicheskikh partiy i obshchestvennykh dvizheniy v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh na Severnom Kavkaze (1917–1997 gg.)*. Dis. ... kand. ist. nauk. [The role of political parties and social movements in ethnic relations in the North Caucasus (1917–1997). PhD Thesis.]. Nalchik: 202 p. (In Russian).
11. Borov A.H., Dumanov H.M., Kazharov V.H. 1999. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problem*. [The Modern state of Kabardino-Balkaria: sources, ways of becoming, problems]. Nalchik, Publishing Center “El'-fa”: 184 p. (In Russian)
12. Sigauri I.M. 1997. *Ocherki istorii i gosudarstvennogo ustroystva chechentsev s drevneyshego vremeni*. [Essays on the history and polity of the Chechens to ancient times]. Moscow, “Russkaya zhizn'”: 366 p. (In Russian).
13. Bugay N.F., Mekulov D.H. 1994. *Narody i vlast': “sotsialisticheskiy eksperiment” (20-e gody)*. [People and Power: “socialist experiment” (20s)]. Maykop, “Meoty”: 424 p. (In Russian).
14. Semiryaga M.I. 2000. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny*. [The Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, ROSSPEN: 863 p. (In Russian).
15. Drobyazko S.I. 2004. *Pod znamenami vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskikh voорuzhennykh sil. 1941–1945*. [Under the banner of the enemy. Anti-Soviet formation a part of the German armed forces. 1941–1945]. Moscow, “Eksmo”: 608 p. (In Russian).
16. Bochkareva Z.V. 1992. *Okkupatsionnaya politika fashistskoй Germanii na Severnom Kavkaze*. Dis. ... kand. ist. nauk. [Nazi Germany's occupation policy in the North Caucasus. PhD Thesis]. Krasnodar: 242 p. (In Russian).
17. Krinko E.F. 2000. *Zhizn' za liniey fronta: Kuban' v okkupatsii (1942–1943 gg.)*. [The Life behind the front line: the Kuban in the occupation (1942–1943)]. Maykop: 242 p. (In Russian).
18. Linets S.I. 2003. *Severnyy Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoй okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.)*. [North Caucasus before and during the Nazi occupation: state and features of development (July 1942 – October 1943)]. Rostov-on-Don, North Caucasian scientific center of higher school Publisher: 564 p. (In Russian).

19. Krikunov P.N. 2005. *Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinym*. [Cossacks. Between Hitler and Stalin]. Moscow, "Jauza"; "Eksmo": 608 p. (In Russian).
20. Abramyan E. 2006. *Kavkaztsy v Abvere*. [Caucasians in the Abwehr]. Moscow, publisher Bystrov: 352 p. (In Russian).
21. Zhuravlev E.I. 2006. *Kollaboratsionizm na Yuge Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945 gg.)*. [Collaboration in the South of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Rostov-on-Don, Rostov State Building University Publishers: 229 p. (In Russian).
22. Aleksandrov K.M. 2005. *Russkie soldaty Vermaakhta. Geroi ili predateli. Sbornik statey i materialov*. [Russian soldiers of the Wehrmacht. The heroes or traitors. Collection of articles and materials]. Moscow, "Jauza"; Eksmo": 752 p. (In Russian).
23. Karachaevtsy: vyselenie i vozvrashchenie, 1943–1957. *Materialy i dokumenty*. [Karachays: eviction and return, 1943–1957. Materials and documents]. 1993. Cherkessk, "PUL" Publishers: 176 p. (In Russian).
24. Alieva S. 1993. [Eloquent detail]. In: *Tak eto bylo. Natsional'nye repressii v SSSR. 1919–1952 gody*. [So it was. National repression in the Soviet Union. 1919–1952]. Vol. 1. Moscow, "Insen": 260–261. (In Russian).
25. Tebuev R.S., Khatuev R.T. 2002. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev*. [Essays on the history of Karachai-Balkars]. Moscow; Stavropol, "Ileksa", "Stavropol'servisshkola": 224 p. (In Russian).
26. Khunagov A.S. 1999. "Vyselit' bez prava vozvrashcheniya...". *Deportatsiya narodov Yuga Rossii. 20–50-e gody (na materiale Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev)*. ["To evicted without the right of return...". The Deportation of the peoples of the South of Russia. 20–50s (on the basis of the Krasnodar and Stavropol Territories)]. Maykop, "Meoty": 170 p. (In Russian).
27. Bugay N.F. 2000. [The problem of deportation and rehabilitation of the peoples in the work of scientists of the North Caucasus region (the humanitarian aspect)]. *Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal*. (3–4): 35–42. (In Russian).
28. Gonov A.M. 1997. *Problemy deportatsii i reabilitatsii repressirovannykh narodov Severnogo Kavkaza: 20–90-e gody XX v. Dis. ... d-ra ist. nauk*. [Problems of deportation and rehabilitation of repressed peoples of the North Caucasus: 20–90s of the twentieth century. Doctor's Thesis.]. Nalchik: 403 p. (In Russian).
29. Tebuev S. 1997. [Preface]. In: *Deportatsiya karachaevtsev. Dokumenty rasskazyvayut. Sbornik dokumentov*. [The deportation of Karachai. The documents tell. Collection of documents]. Cherkessk, Karachaevo-Circassian Institute of Humanitarian Studies of the Government of the Karachay-Cherkessia Republic: 341 p. (In Russian).
30. Alieva S.K. 2001. *Material'naya i finansovaya pomoshch' trudyashhikh sya Severnogo Kavkaza Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. (na materialakh Adygeyskoy, Karachaevskoy, Cherkesskoy avtonomnykh oblastey i Kabardino-Balkarskoy ASSR)*. Dis. ... d-ra ist. nauk. [Material and financial assistance of the workers of the North Caucasus to the Red Army during the Great Patriotic War 1941–1945 (on materials of Adygei, Karachai, Cherkess Autonomous Region and Kabardino-Balkar ASSR)]. PhD Thesis. Karachaevsk: 176 p. (In Russian).
31. Tishkov V.A. 1994. [Nationality and nationalism in the Post-Soviet Space (historical aspect)]. In: *Etnichnost' i vlast' v polietnichnykh gosudarstvakh. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 1993 g.* [Ethnicity and power in multi-ethnic states. Proceedings of International Conference 1993]. Moscow, "Nauka": 9–34. (In Russian).
32. Kotov V.I. 1994. [The deportation of the peoples of the North Caucasus: the crisis of ethno-demographic situation]. *Severnny Kavkaz: vybor puti natsional'nogo razvitiya. Sbornik statey*. [North Caucasus: the choice of the path of national development. Collection of article]. Maykop, "Meoty": 193–209. (In Russian).
33. *Repressirovannyye narody: istoriya i sovremennost'*. *Materialy 2-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 1–2 noyabrya 1993 g.* [Repressed peoples: history and modernity. Proceedings of the 2nd Scientific Conference, 1–2 November 1993]. 1994. Karachaevsk, Karachay-Cherkess State Pedagogical University: 215 p. (In Russian).